

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Мир крутых
мужчин*

Марина С. Серова
Мешок с неприятностями
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134863
Мир крутых мужчин. Мешок с неприятностями. Страховка от
жизни: Эксмо-Пресс; М.; 2001
ISBN 5-04-007600-2*

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Марина Серова

Мешок с неприятностями

Пролог

Две недели назад

– Усек, усек! Ну пока, Лечи... Ах да, извини, забыл... Да тут все равно никого нет... Ладно, до связи.

Я прижалась к стенке у самого поворота коридора – черт меня побери, если я знала зачем! Может, потому, что он сказал: «Тут все равно никого нет»? Наивно... В ту же секунду Славик Парамонов вывернул из-за угла и, столкнувшись со мной нос к носу, испуганно захлопал своими белесыми ресницами. Телефонной трубки у него в руках уже не было, однако карман грязного, забрызганного кровью халата недвусмысленно оттопыривался.

– А-а, новенькая... Ты что здесь?

Вместо телефона Парамонов держал за горлышко двухлитровую бутылку из-под фанты, полную воды. Она-то и подсказала мне ответ.

– Ничего я не «здесь», вот еще! Напугал, черт белобрысый... Просто шла в туалет и вспомнила, что забыла бутылку – воды на чай набрать. Стою и думаю: возвращаться за ней

или уж другим разом... А тут ты меня чуть не сшиб!

– Ну, куда там – «чуть не сшиб». Я тебя даже не толкнул. Это ты, черноглазая, меня напугала: стоишь тут, как привидение!

Пожалуй, парень не врал: когда он неожиданно увидел меня, в его глазах – обычно таких невыразительных – мелькнул настоящий испуг. Впрочем, вполне возможно, они просто среагировали на свет: ведь он вышел из темного «аппендикса» рыночного подземелья, где стоят одни тележки... Кстати: что он тут делал, а? Любопытно...

Только я задала себе этот вопрос, Славик ответил на него: – А я, понимаешь, кутенка искал нашего, Мечела. Черный такой, лохматый мордоворот – знаешь?

Я кивнула.

– Так это с ним ты тут шептался?

– Ну! – Парень ухмыльнулся. – Думал, он под тачку забился... Хотел паршивца на обед пригласить, да он куда-то сгинул. Тебе случайно не попадался?

– Нет. Но если я его встречу, обязательно передам твое приглашение.

Мы оба засмеялись.

– Вот-вот, передай. Да и сама можешь заодно... Для двуногих тоже что-нибудь найдется. А, Танюшка?

И Парамонов одарил меня тем самым взглядом, которым его коллеги по «мясному цеху» за три дня «отполировали» меня до физической тошноты. Под этим взглядом я чувство-

вала себя беззащитной тушкой в лапах мясника. Конечно, Славику было далеко, к примеру, до бригадира рубщиков Реваза Кохнадзе, но он честно старался.

– Да нет, спасибо. Я с девчонками обедаю.

– Ну-ну. Я к тому, что если заскучаешь – приходи, развеселим. А насчет водички ты того, не беспокойся. Я сейчас вот эту бутылку занесу к вам в весовую, чтоб тебе второй раз не бегать. А сам потом еще сгоняю. Не бойсь, она чистая.

– Вот еще, с какой стати? Я сама схожу!

– Ладно, ладно, черноглазая, – крикнул он уже издали. – Сама она... Дают – бери!

«Интересно...» – думала я, преодолевая остаток подземелья до тупика с двумя «литерными» дверками, отмеченными буквами М и Ж.

Интересным было не то, что у простого рубщика мяса вдруг обнаружился сотовый телефон: давно уже никто не удивляется, что этот народец ездит на работу на «Вольво» и «Ауди». Странно, что за три дня моей работы на новом месте я впервые наткнулась на признаки того, что тишайший Славик Парамонов тоже владеет этим современным средством связи. Другое дело – Реваз, бригадир: тот постоянно болтает по сотовому. Но чтобы этот...

Надо сказать, я редко обманываюсь в людях: при такой профессии, как моя, чутье играет далеко не последнюю роль. Без того, что я называю детективным нюхом, все прочие криминалистические способности, даже самые блестящие, и все

технические чудеса, позволяющие по единственному оставленному на месте преступления плевку вычислить преступника, вряд ли принесут много пользы. А для детектива частного, лишенного помощи технических лабораторий, следственных бригад и смежных ведомств, совмещающего их в одном лице, «нюх ищейки» приобретает почти такое же значение, какое он имеет для настоящей – четвероногой и с хвостом – ищейки!

Так вот этот самый нюх упорно подсказывал мне, что Славик Парамонов – кажется, единственный из всей бригады Реваза Кохнадзе – не имеет отношения к многосторонней деятельности заместителя директора рынка «Южный» господина Кравчука. Я имею в виду ту деятельность, которая не предусмотрена должностными обязанностями последнего и ради которой мне пришлось три дня назад «сменить профессию» – превратиться из частного детектива Тани Ивановой с лицензией и высшим юридическим образованием в... весовщицу рынка «Южный» Таню Иванову, без малейшего намека на образование и, естественно, без лицензии. Столь низко я, пожалуй, еще не падала! Одно утешение: рынок «Южный» – такое дальнее захолустье, что никому из моих знакомых не придет в голову наведаться сюда за товаром. Впрочем, и на этот крайний случай я приняла кое-какие меры предосторожности, слегка изменив внешность. Обеих Тань Ивановых – и зеленоглазую сыщицу, и черноглазую весовщицу – знал лишь директор означенного рынка Фарид Тагиров, мой кли-

ент. Однако на его счет я могла не беспокоиться: разглашать сию великую тайну было явно не в его интересах.

Парамонов... «Тюха», «тюфяк», «малахольный» – это самые ласковые наименования из тех, которыми его величают рыночные дружки. Да и не дружки они ему вовсе – так, периодические собутыльники. Толком же, насколько я успела понять, о нем никто ничего не знает.

И это лишь подтверждает версию, что в серьезное дело Славика не взяли бы: слишком большой риск. Кстати, версия не на одном чутье основана, а уже подтверждается кое-какими доказательствами... Неужели я ошиблась насчет парня?

Зачем он меня обманул? Сочинил байку, что искал этого пса, Мечела... А может, не обманул? Теперь я уже сомневалась в том, что слышала. Со слухом у меня вроде все в порядке, но Парамонов говорил так тихо, что я даже не сразу признала его голос. Вполне можно было принять обычный зов «кутек, кутек» за «усек, усек», а кличку «Мечел» – за «Лечи». И так далее... Почему он мне встрял в башку, этот мифический Лечи? Кажется, чеченское имя. Когда-то давно знала я одного типа, которого так звали. Кстати, пренеприятный был тип.

Да полно, Таня, дорогая! Должно быть, Славик и в самом деле принял в темноте отодранную полу старой телогрейки за своего лохматого любимца. Она там действительно валяется, ты видела. А все остальное ты себе понапридумывала: и его сотовый телефон, и тайный разговор с каким-то Лечи.

И страх в его глазах... Привыкла подозревать всех во всем, искать в самых обычных человеческих разговорах признаки криминального сговора, в самых невинных поступках – состав преступления. И вот получается, что человеку нельзя уже позвать свою шавку, чтоб немедленно не попасть в число подозреваемых! Ох, тяжела ты, лицензия частного сыщика...

Я повернула за последний на своем пути угол и остановилась как вкопанная: в маленькой нише возле мужского туалета, на своем обычном месте, мирно дрых Мечел. Я посвистела, привлекая его внимание.

– Эй, приятель! А тебя там кое-кто ищет...

Но крупный черный щенок-подросток даже не пошевелился: стало быть, спал давно и крепко. А ведь Парамонов шел с полной бутылкой, значит, был здесь – больше нигде набрать воды – и, разумеется, не мог не заметить пса, которого якобы искал... Интересное получается кино! Похоже, рано я записала Славику в невинные овечки. Надо будет присмотреться к нему получше.

В оставшиеся до конца работы часы – ведь мне приходилось теперь совмещать две профессии! – я то и дело возвращалась в мыслях к своему сегодняшнему наблюдению. Однако уже утром новые обстоятельства моего «базарного дела» увели меня далеко в сторону от мыслей о Славице Парамонове. А события, которые произошли в последующие несколько дней, заставили напрочь позабыть и об этой «бе-

лой вороне» из бригады Реваза Кохнадзе, и о таинственном
Лечи. До поры до времени...

Глава 1

Ох уж мне эта Альбина Михайловна! У других соседки как соседки, а у меня... Какая-то помесь мисс Марпл с ее детективными наклонностями и той рекламной тетки с «Кометом», от которой никуда не спрячешься. Не просто помесь – гремучая смесь! Сегодня она придумала, что нашу девятиэтажку собираются со всеми потрохами купить некие лица кавказской национальности, дабы устроить здесь свой очередной «торговый дом», что в ее представлении было ничуть не лучше дома публичного, а всех жильцов, естественно, выселить к чертовой бабушке.

– Представляешь, Танечка: иду я сегодня из булочной, в обед, а они преспокойненько так мешки в подвал таскают. Три каких-то хачика. Я остановилась посмотреть, а один мне: чего, мол, бабуса, смотришь? Сахар разгружаем, склад у нас тут будет. Как тебе это нравится?!

– Не могу сказать, чтоб мне это очень уж нравилось, но и трагедии в том не вижу. Склад и склад. Что тут такого?

Дело было вечером, я только что вернулась домой усталая и злая, без толку потратив два часа на этого козла Реваза, который, вместо того чтобы встретиться с интересующим меня человеком, потащился к одной из своих любовниц. Одним словом, в моем голосе сквозило нетерпение, которое я даже не пыталась скрыть: единственной мечтой было остаться в

своей квартире наедине с собою.

Но Альбина Михайловна не собиралась сдаваться так просто. Она топталась в передней и требовательно поглядывала через мое плечо в кухню, где горел свет и на плите в кофеварке булькала вода. «Плакал мой кофе!» – горестно подумала я.

– Как это «что тут такого»?! – Соседка воинственно поправила на носу очки с выпуклыми линзами, делавшие ее похожей на диковинную глубоководную рыбину. – Дорогая моя, я не верю, что это говоришь ты, знаменитый частный детектив. Где твоя бдительность, где чувство опасности? Да ведь эти хачики так весь дом к рукам приберут! Вон Анна Никитична из сто семнадцатой сказала: они уже к квартирам на первом этаже приценивались – не сдаст ли кто под офис. Дескать, условия очень выгодные предлагают. Господи, ну совсем житья от них не стало! Танечка, я считаю, ты должна вмешаться, пока не поздно.

«Ну разумеется: этим должно было кончиться».

– Вмешаться? Я? Да каким же образом, Альбина Михайловна?! Я кто – глава администрации района? Домком, женсовет? Да вы не хуже меня знаете, что... Извините, у меня там вода на плите!

Бульканье и шипение стало таким душераздирающим, что мне пришлось сдать позиции. Старушенция только этого и ждала. Когда я повернулась от плиты, она уже восседала на моей табуретке у моего кухонного стола. Мне не оставалось

ничего другого, кроме как продолжить свою раздраженную тираду.

– Вы не хуже моего знаете, что избавиться от «хачиков», как вы их называете, нет никакой возможности. Даже если мы с вами ценой невероятных усилий заставим этих торговцев забрать свой сахар и ретироваться из нашего дома – в чем лично я сильно сомневаюсь! – то через неделю, максимум через месяц придут другие, третьи. И кто-нибудь обязательно обоснуется в нашем подвале, если уж он им так приглянулся. И даже снимет тут квартиру под офис – нравится вам это или нет. Потому что у них есть деньги, Альбина Михайловна! Понимаете? За деньги покупается все – даже домкомы и женсоветы. Про глав администраций я не говорю.

– Танечка, ты – больше, чем домком и женсовет. Хотя, конечно, меньше, чем глава администрации, ты уж извини, дорогая. Ты – гордость нашего дома, я не устаю это всем повторять. И мы с Анной Никитичной решили, что именно ты должна...

– Ах, вы решили с Анной Никитичной? Очень мило! – Я сардонически усмехнулась. – В таком случае, может, вы с нею и займетесь всем этим? Как ветераны труда и как бывшие работники партийных и советских органов. Уверяю вас: к вам прислушаются гораздо скорее, чем к какому-то частному детективу. И для общего дела будет польза, и вам развлечение.

Я наполнила подоспевшим кофе одну чашку и шлепну-

лась на свободный табурет по другую сторону стола. После такого дивертисмента любая другая соседка сочла бы себя насмерть обиженной и немедленно удалилась. Любая, но не моя Альбина Михайловна! Она не пила кофе по причине высокого давления и знала, что я это знаю. Таким образом, нанесенная ей обида могла остаться вовсе не замеченной. Еще около получаса, мысленно матерясь почему зря, я растолковывала Альбине, что никакой особой угрозы пришествие кавказцев в наш дом не несет. И что подвал под склад и квартира под офис – это максимум, на что они здесь могут претендовать. И что ее, Альбину Михайловну, ветерана труда, никто и никогда не выселит из ее приватизированной однокомнатной квартиры без ее на то согласия. А если и возникнут для этого какие-то стратегические причины – скажем, на месте нашего дома решат построить военный полигон или очередную пешеходную зону, – то городские власти обязаны предоставить ей точно такую же квартиру в нашем же районе. И так далее, и тому подобное...

В конце концов мы сошлись – вернее, разошлись – на том, что я все же наведу справки об этих самых кавказцах с мешками. «Чтоб знать, где их искать, ежели что», – отчеканила Альбина Михайловна. «Ежели что» она расшифровывать не стала, а я и не подумала уточнять. Если б я допустила такую неосторожность – боюсь, не рассталась бы с любимой соседкой до утра.

Разумеется, ни завтра, ни послезавтра я не кинулась выполнять наказ Альбины Михайловны и Анны Никитичны. Мне и в самом деле хватало работы – той, за которую мой теперешний «шеф», директор рынка, обещал щедро расплатиться «зелеными». Слава богу, у старушечки не было возможности строго спросить с меня за неисполнение: в эти дни я появлялась по месту своей постоянной прописки в основном тогда, когда Альбина Михайловна могла видеть меня только во сне. Честно говоря, я надеялась, что со временем она вовсе забудет об этом раздражителе, переключившись на какую-нибудь другую проблему. Такое случалось с ней частенько.

Господи! Откуда ж мне было знать, что утром третьего дня произойдет такое, от чего эти чертовы мешочки сразу предстанут в совершенно новом и страшном свете?!

Накануне, вернувшись домой в благостном расположении духа – чувствовалось, что Таня-весовщица доживает свои последние деньки, – я огляделась по сторонам и увидела... полное безобразие! С этой рыночной работой я вконец запустила свою квартирку, которая перестала быть уютным гнездышком, а превратилась в пыльную свалку тряпья, окурков и грязной посуды. Да и ремонт, хочешь не хочешь, надо делать, причем поскорее, а то лето, считай, уже прошло. Не встречать же двухтысячный год в таком бардаке!

Однако в два часа ночи было поздновато переходить от констатации факта к решительным действиям. Или наоборот

– рановато? Я просто взялась за свои цифровые двенадцатисторонние кости. Это мой любимый, давно проверенный способ гадания. Вот уже много лет я не принимаю ни одного важного решения, не получив от судьбы предварительной подсказки на магическом языке цифр и формул. Может, кому-то кажется, что ремонт – не такая важная материя, чтоб утруждать судьбу подобными вопросами? Отвечу одно: значит, он никогда не ремонтировал свою квартиру.

Признаться, я ожидала от своих магических приятелей какой-нибудь колкости, они на это горазды, но чтоб такое... Решила даже перепроверить себя и заглянула в книгу «Числа и судьбы», хотя память у меня – дай бог каждому. Оказалось – все верно. Комбинация $19+10+33$ означала, что мой дом подвергается, ни много ни мало, опасности разрушения.

Дожили! А я о каком-то ремонте в одной отдельно взятой квартирке мечтаю. Ну, погодите, господа из ЖЭУ! Значит, мало наши бабульки пишут жалоб – и вам, и на вас?! Дом уже рушится, а вам хоть бы хны! Вот только закончу это дельце, и вы у меня попляшете! Пусть я и не глава администрации района, но мало никому не покажется...

Да, именно так я истолковала свое гадание, не поняв страшного намека судьбы, а ведь он был высказан, что называется, открытым текстом. Бросая посреди ночи гадальные кости со своим пустячным вопросиком, я еще не знала, что в гексагеновом аду уже сгинули невинные души первых жертв. Что в эти самые минуты спасатели вытаскивают из-

под горящих развалин искалеченные тела живых и обугленные, раздавленные трупы. Что сегодня пришел конец эпохе мирного сна.

Я узнала кошмарную новость из утренней программы теленовостей. Но и тогда в мозгу ничего не «щелкнуло». Впрочем, в том не было ничего удивительного: сообщения о мешках с «гексагеновым сахаром» появились чуть позже. И обещания террористов устроить еще несколько взрывов были растиражированы тоже позже. Словом, минуло больше суток после первого теракта, прежде чем я вспомнила о таинственных «хачиках», загрузивших сахаром подвал моего собственного дома.

Во время обеденного перерыва в весовой отдельные фрагменты «мозаики» как-то вдруг, сами собой, сложились в цельную картинку, которая прямо-таки идеально совпала со схемой террористических актов, известной к тому времени всей стране. И гамбургер, который я в тот момент жевала, встал мне поперек горла. С вытаращенными глазами, не обращая внимания на окрики товарок, я опрометью бросилась вон из комнаты. После девчонки рассказали, что лицо у меня было фиолетово-зеленого цвета и они не сомневались, что видят меня в последний раз.

Своим сотовым телефоном я на рынке не могла воспользоваться: Тане-весовщице такая роскошь «не по чину», я хоть и брала трубку с собой, но отключала ее. Из конторы по вполне понятным причинам тоже нельзя было звонить. По-

этому я кинулась на улицу – к ближайшему автомату.

Сначала позвонила Альбине Михайловне. Но ее номер не отвечал, и это не прибавило мне настроения: показалось, что наш дом уже взорвался. Покопавшись в своей смятенной памяти, вытащила оттуда телефон Анны Никитичны из сто семнадцатой. Однако результат был тот же: длинные гудки. Я заставила себя вспомнить номер еще одной старушки из нашего подъезда. Когда она подняла трубку, у меня отлегло от сердца, ведь это означало, что домишко пока стоит, цел и невредим. Но от нее я узнала, что Альбину Михайловну вчера днем госпитализировали с гипертоническим кризом.

Успокоившись, насколько это было возможно в данной ситуации, я дрожащей рукой набрала номер, которым пользовалась лишь в самых крайних, «пожарных» случаях. А ведь сейчас случай был как раз такой – самый пожарный из всех, горячее некуда!

Человек, которому я, слава богу, дозвонилась с первого захода, работал не в пожарной охране, а в здании, известном в народе как «серый дом». Ответственный работник ФСБ Сергей Палыч Кедров был другом моего далекого детства. В годы студенческой юности наши дороги разошлись, казалось, навсегда, но потом неожиданно пересеклись снова. С тех пор мне ни разу не пришлось об этом пожалеть.

Выслушав меня, он коротко чертыхнулся:

– Ну, Татка, ты, как всегда, с сюрпризами. С утра мотаюсь, первый раз зашел в кабинет – и на тебе! Мы тут и так все на

ушах стоим... Ладно, делать нечего: сейчас «обрадую» Анциферова. Дуй к нашей стоянке, через десять минут выезжаем.

– Мне самой к вам нельзя: я при делах. Могу засветиться.

– Ах, черт тебя подери, «коллега»! При делах она, деловая колбаса... Ладно, тогда поезжай туда, где мы встречались в последний раз, и жди там. Не забыла еще то место? Все равно тебе домой нельзя: сейчас будем эвакуировать твоих дорогих соседей.

– Да ты что, Серый?! Как же я теперь...

– А ты как думала, милочка? Сама террористов обнаружила – теперь и отдувайся. Найдешь, где переночевать, не маленькая!

Сергей Палыч зря беспокоился: о «переночевать» я вспомнила только под утро. До тех пор меня возили между серым домом на улице Дзержинского и красным на Московской, где располагалось городское управление ментовских дел с антитеррористическим штабом. Оказывается, и у нас успели создать такой. Разные люди таскали меня из кабинета в кабинет и задавали одни и те же вопросы, на которые я не знала ответов, ведь тех чертовых мешочников в глаза не видела, а знала о них со слов Альбины Михайловны, которая сейчас лежит в терапии 3-й городской больницы. В хорошенькую историю я вляпалась по ее милости!

Светало, на улицы уже вышли дворники и поливальные машины, и я засыпала просто на полуслове. Тогда Кедров

вырвал меня из лап какого-то очередного мучителя и впихнул в свою «Волгу». Кажется, он спрашивал, куда меня отвезти, но своего ответа я абсолютно не помню. Может, его и не было, моего ответа, и Сереге самому пришлось решать за меня проблему о «переночевать». Очнулась я на черном кожаном диване, возле которого валялись босоножки, а на мои босые ножки, покрытые вчерашней пылью, был заботливо наброшен клетчатый плед. На такой рыцарский поступок способен только Серый – и никто больше. Мой друг стоял рядом и тряс меня за плечо. По его свежевыбритой круглой физиономии и бодрому блеску голубых глаз ни одна живая душа не догадалась бы, что он тоже провел бессонную ночь. «Как огурчик!» – с завистью подумала я. И скривилась, вспомнив о том, что сама я, должно быть, являю собой весьма кислое зрелище.

– Вставай, возмутительница спокойствия. А то ко мне уже делегации ходят: показывай, говорят, что за русалку ты тут прячешь. Наверное, Мишка проболтался, подлец.

Я вспомнила, что Миша – новый помощник Кедрова, которого я за глаза называла «ординарцем». Прежняя «тень» Сергея Палыча, мой старый знакомец Славик Кузьмин, пошел на повышение.

– Ладно уж, делегации. Знаю я, кого ты боишься: своей благоверной!

– А хоть бы и так? Сей страх – священный, старушка. Я человек солидный, семейный, при должности. Не то что ты,

вертихвостка. Тебе что чужого мужа совратить, что людей попусту взбаламутить – недорого возьмешь!

Голос Сергея звучал шутливо, однако я сразу уловила в нем серьезную нотку.

– Что ты хочешь этим сказать? – Я спустила ноги с дивана.

– Да сигнальчик-то твой «липой» оказался, вот что.

Честное слово, я не знала – радоваться или горевать. Вроде и хорошо, что тревога была ложной. Но после того, что пришлось пережить в эту ночь мне самой, моим соседям по дому и еще десяткам других людей, я чувствовала себя уничтоженной. Из меня же теперь сделают посмешище!

– Представляешь, как сейчас потешается надо мной все управление? – озвучил мою мысль Серый. – Говорят, Кедрову надоело ловить торговцев наркотой, и он решил сделать карьеру на террористах. Анциферов, начальник штаба, на меня просто смотреть не может. Кстати, за прошлые сутки это был четвертый сигнал. И тоже ложный, можешь себе представить?

Я слабо защищалась:

– А вам с Анциферовым стало бы легче, если б все они подтвердились?

– Тут ты права, Татка. Возразить нечего.

Сергей кинул мне полотенце.

– Как бы там ни было, ты молодец. Проявила бдительность, и все такое прочее.

– Да пошел ты... Значит, там был обычный сахар?

– Чистый сахарок, старушка, – кивнул Кедров со смехом, игнорируя мой «посыл». – Могу сейчас напоить тебя с ним чаем: ребята из лаборатории по-свойски подбросили. Правда, если уж на то пошло, это я должен им магарыч ставить: шутка ли – шестьдесят мешков перетрясли с моей подачи! Вернее, с твоей, Татьяна Александровна.

– Хватит прикалываться, Серый, мне и так тошно. А хачиков нашли? Тьфу, черт, – кавказцев этих?

– Ищем, Татка, ищем. Никуда они не денутся. Так чаю выпьешь? Миша сейчас организует.

– А который час?

Взглянув на часы, я подскочила, словно подброшенная пружиной.

– Господи, работа! На рынок опоздала...

Я зажала себе рот, но было поздно: уже проговорилась Кедрову про Таню-весовщицу.

– Опомнилась к обеду! – фыркнул друг детства. – Не бойсь, старушка: твой шеф Тагиров предупрежден, что ты едва не стала жертвой террористического акта и нуждаешься в реабилитации.

– Сергей, ради бога: как ты узнал?!

Я была потрясена.

– Обижаешь, коллега. Фирма веников не вяжет. Словом, можешь сегодня вовсе на работе не появляться. Эх, хотел бы я, чтоб кто-нибудь сказал мне то же самое...

Через полчаса, разбитая и подавленная, топя домой пеш-

ком («Волга» мне уже не была положена, поскольку я перестала быть важным свидетелем), я поминала недобрым тихим словом всех «лиц» независимо от их кавказской национальности. Не первый раз эти ребята портят мне жизнь! И наверное – не в последний. Чутье подсказывало.

Глава 2

А еще чутье подсказывало и другое: интеллигентный юмор Кедрова по поводу моей антитеррористической деятельности – «цветочки» по сравнению с тем, что меня ждет впереди. И оно не ошиблось!

Он позвонил ближе к вечеру, разом выдернув меня из непрочных объятий тревожного сна: придя домой, я в растрепанных чувствах забыла отключить телефон. Этот милый говорок с едва различимым армянским акцентом я узнала бы не то что во сне – на том свете.

– Вай-вай-вай, ты в своем гнездышке, Таня-джан? А я думал, что тебя уже поставили на довольствие в «сером доме». Шутка ли – оказала неоценимую услугу Кедрову! Разумеется, его теперь повысят.

– Во всяком случае, наверняка раньше, чем тебя, чертов мент! – проскрипела я хриплым от злости басом. – Тебе точно не видать его «звездочек». Но сегодня можешь радоваться: большей пакости, чем твой звонок, я и ожидать не могла!

Гарик Хачатурович Папазян – давно уже не старший лейтенант, но все еще не майор – весело загоготал. Он даже не обратил внимания на использованный мною запрещенный прием, поскольку нынче все козыри были у него, а моя карта заранее бита. Впрочем, это понятие – не более чем образ: применительно к Гарику никаких запрещенных приемов

быть не может. Разве что стенобитное орудие – да и то я не уверена.

По должности старший оперуполномоченный, а по факту – правая рука начальника уголовного розыска города и лучший сыскарь во всем управлении, Гарик Папазян представляет собой полную противоположность Кедрову. Во всем абсолютно: начиная с внешности, в обоих случаях весьма характерной, и с манеры завязывать галстук. Хотя галстук – это тоже образ: Гарик, по-моему, вообще не знает, что это такое. И служат эти двое в издавна конкурирующих «фирмах», обе из которых не вяжут веников, что придает интриге дополнительную остроту.

И тем не менее есть у них много общего. Оба – настоящие профессионалы. Оба, что гораздо важнее, – очень порядочные ребята, хотя иной раз бывает трудно их в этом заподозрить. Оба – сильные натуры; хотя Сергей Палыч часто маскируется интеллигентностью, а Гарик – кокетством, но пусть это никого не обманывает. И оба они – мои друзья. Просто друзья, с которыми, как это ни странно для женщины моего склада, я никогда не состояла в «постельных» отношениях.

Вот только Гарик – в отличие от Сереги Кедрова – всегда был на волосок от того, чтоб переступить эту заветную для него черту! С первых минут нашего знакомства мне приходится почти непрерывно отпихивать от нее беднягу. Часто – используя самые запрещенные приемы в самом что ни на есть прямом смысле. И каждый раз, вооружившись своим

жужным темпераментом и опытом профессионального донжуана, Папазянчик с улыбкой бросается на штурм. Снова и снова. Такова уж его «кобелянская» натура!

И я соврала бы, если б сказала, что держать оборону мне ничего не стоит. О, этот тип умеет подбирать ключики к подобным «крепостям»! Честно скажу: случаются моменты, когда я готова очертя голову перепрыгнуть черточку, разделяющую нас с Гариком. Кстати, мною же проведенную. Что мешает? Не знаю. Возможно, срабатывает инстинкт самосохранения: мне совсем не светит сгореть в огне испепеляющей страсти, которой у Гарика с лихвой хватит на двоих. А может, жалко нашей уникальной, единственной в своем роде дружбы. Дружбы, которая стимулирует, постоянно держит «в тонусе», не дает расслабиться, которая шарахается от любви до ненависти и обратно, но остается при этом дружбой. И кто знает – может, как раз испытания «интимом» она и не выдержит? Гарик вряд ли об этом задумывается, а я не хочу рисковать. В конце концов, найти хорошего любовника не так уж трудно, а вот найти хорошего друга...

Итак, мой друг, которому я в тот момент искренне желала провалиться сквозь землю, заржал, как жеребец, и проговорил жалобно-елейным голоском, усилив свой акцент втрое:

– Вай, Таня-джан, почему не любишь нас, бедных армян? Чем тебе не угодил твой друг Гарик? Неужели тем только, что хотел заступиться за своего земляка Рудика Саркисяна, которого ты походя записала в террористы? Вай, ара, стыдно

тебе!

– Какого еще Рудика, что ты плетешь?

Разумеется, я сразу все поняла. Но все еще не хотела верить, что «неизвестные лица кавказской национальности», на которых я натравила ФСБ, оказались вовсе не чеченскими террористами, а самыми что ни есть натуральными «хачиками», как частенько в народе называют армян. Высказанный именно Гариком Папазяном, готовым поднять меня на смех, этот упрек окончательно отравил мне существование.

– Дорогая, я опять не верю своим ушам. Неужели твой гэбист не доложил тебе детали? Хотя – откуда ему это знать, вай-вай-вай... Они умеют только поднимать шум-гам да сеять панику среди населения, а где надо заняться рутинной работой – тут они пас. Зачем? Они же баре, «голубая кровь»! Чтобы гоняться за всякими «шестерками» – для этого есть мы, менты...

– Папазян, заткнись сейчас же, если не хочешь, чтобы меня осудили за умышленное убийство сотрудника милиции. Я понимаю, насчет совести к тебе взывать бесполезно, но хоть что-то человеческое в тебе есть?! Я провела ужасную ночь и ужасный день, у меня раскалывается голова, а тут ты...

– Человеческое? Ну конечно, есть, дорогая! Я бы охотно сказал тебе, что именно, да забыл, как это называется по-латыни. Армянского ты не понимаешь, а по-русски прозвучит не совсем эстетично. И вообще, лучше один раз увидеть во мне это самое человеческое, чем сто раз услышать. Может,

я прямо сейчас и подъеду, а?

Я застонала, как от зубной боли. Этот стон для Папазяна означал, что «клиент дошел до кондиции» и продолжать в том же духе не стоит, все равно я больше не в состоянии воспринимать. А потому Гарик, вдоволь насмеявшись, уже вполне нормальным штилем сообщил, что «подрывники» задержаны два часа назад в одном из райцентров области. Ими оказались два брата-армянина, зарегистрировавшие в том же самом городке некое ООО «Арагат», и примкнувший к ним водитель грузовика. Разумеется, никто из них не имел никакого «тротилового эквивалента», и все трое слезно божились, что их единственной целью было выгодно толкнуть на волжских берегах сахарок, закупленный в Воронеже.

– Конечно, твоя любимая Фээсбэ, – не преминул все же съехидничать Гарик, – тут же наложила на этих бедолаг лапу и сейчас вытрясает из них душу. Но ничего не вытрясет. Еще утром было ясно: никакой взрывчатки в мешках нет. Так что вы с твоим Кедровым...

– Никакой он не мой!

– Верится с трудом, но все равно – рад слышать. Так вот, вы с ним попали пальцем в небо. И если он уже прокрутил в погонах дырку для очередной звездочки, то напрасно. Хотя, конечно, поощрить за бдительность могут.

После того как Сергей Палыч лихо «рассекретил» меня сегодня утром, я с ужасом ожидала, не завернет ли и Гарик Папазян что-нибудь насчет моей рыночной одиссеи. Но ка-

питан явно ничего не знал, иначе не упустил бы возможности позубоскалить.

Когда я наконец положила трубку, настроение мое не стало лучше. Зато теперь я знала наверняка: в истории с «тер-актом» в нашем доме можно поставить точку. Больше всех не повезло в ней, конечно, братьям Саркисян. Мне тоже вряд ли будет приятно вспоминать это приключение, однако... Хорошо то, что хорошо кончается! Лучше уж «перебдеть», рискуя потерять какой-то кусок профессиональной репутации, чем «недобдеть» и потерять вместе с ним все остальное.

После второго московского взрыва собственное поведение окончательно перестало казаться мне «паникой среди населения». Да и всем остальным тоже. Даже Гарик Папазян сбавил обороты, и теперь уже в моих телефонных репликах слышались ехидные нотки: ну что, съел, мент? Опять скажешь, что моя бдительность была некстати?

Я настолько пришла в равновесие, что смогла посетить Альбину Михайловну в 3-й городской больнице и отвесила ей причитающуюся долю комплиментов. Мол, ее гражданское самосознание и активная жизненная позиция являются достойным образцом для подражания. Я собиралась лишь остороженько намекнуть болящей соседке, что в ее отсутствие наш дом оказался в самом эпицентре антитеррористической операции, но Альбина, оказывается, все уже знала из сообщений «агентства ОБС». Мне пришлось, как всегда, до-

вольствоваться ролью пассивного слушателя, так что под конец визита я горько раскаялась, что проявила чуткость.

Впрочем, несмотря на весь ужас реальных взрывов, один за другим потрясавших страну, в моей собственной жизни стремительно выдвигалось на передний план «базарное дело», в котором я увязла по самые уши. Причем оно неожиданно приняло новый оборот, показавший, что до отдыха и гонорара вовсе не так близко, как хотелось бы.

Меня уже давно преследовало смутное чувство, что я знаю не все. Много, даже вполне достаточно для того, чтобы господин Кравчук и компания надолго сменили место работы – заодно с местом жительства. Аферы с документами, двойная бухгалтерия, незаконное присвоение прибыли муниципального предприятия «Рынок „Южный“». В довершение ко всему этому – тотальный рэкет, которым базарная шайка обложила мелкий и средний бизнес в огромном микрорайоне, включая свой собственный рынок. А в качестве дополнительной доходной статьи – контроль над проституцией и наркоторговлей... Но я нутром чуяла, что такой делец, как Альберт Кравчук, способен на большее. И в последние дни данные моего детективного нюха получили фактическое подтверждение: в одном из бесчисленных телефонных разговоров босса, которые я ловила при помощи самого обычного на вид плеера, неожиданно мелькнуло новое имя: Махмуд.

Надо ли говорить, что столь внезапное появление в «ба-

зарном деле» нового персонажа задело меня за живое! Убив на это дело в общей сложности полтора месяца, проторчав на вонючем рынке три недели, изображая какую-то идиотку и понеся при этом несчетное количество моральных потерь, я вдруг узнаю, что у этих деятелей еще остались, оказывается, какие-то тайны от меня!

Моя подслушивающая аппаратура, к сожалению, не позволяла слышать ответные реплики абонентов: ведь Кравчук говорил по сотовому, в который мне, увы, так и не удалось впихнуть «жучок». Однако и то, что я ухватила, подсказывало определенные выводы.

Во-первых, этот самый Махмуд – явно птица высокого полета. Он позвонил сам, и Альбертик говорил с ним весьма уважительно, чтоб не сказать подобострастно. А во-вторых, означенного Махмуда связывает с Тарасовым какая-то суперсекретная преступная миссия. Что преступная – в этом можно не сомневаться, поскольку Альберт Кравчук давно исчерпал возможности легального бизнеса. И, понятно, секретная, иначе они не напускали бы такого туману. Короче – мне показалось, что короткий зашифрованный разговор касался поставок оружия.

Однако сколько я ни билась, так и не смогла отыскать среди разветвленных связей моей базарной мафии ни единой ниточки, ведущей к Махмуду. Должно быть, какие-то чрезвычайные обстоятельства заставили этого «инкогнито» нарушить строжайшую конспирацию и связаться непосред-

ственно с Кравчуком, да еще в рабочее время. След, на который я вышла, оказался одиночным отпечатком: он никуда не вел, абсолютно никуда. Да и разве это след? Так – мимо-летное движение в эфире... Только имя. Зловещее, как хлопок выстрела с глушителем. Кто он? Торговец оружием? Посредник? И теперь не будет мне покоя, пока я это не выясню.

Да еще судьба взялась шутить со мной шутки на языке цифр. Я к ней с серьезными вопросами, по делу, а она... То вдруг грозит: «Пока вы медлите, будущие удачи могут пострадать, а тайные замыслы врагов возмужают». То откровенно издевается: «Огромное удовольствие от общения вы найдете вне круга своих друзей». Благодарю, уже нашла – такое «удовольствие», что и врагу не пожелаю!

А сегодня и того хлеще! Сосредоточилась, бросила кости – а они и выдали: 15+25+10. То есть внезапно я окажусь в чрезвычайных обстоятельствах, которые, разумеется, грозят мне бедой, и только посредством духовного развития смогу изменить свою судьбу. Господи, час от часу не легче: ты думала, что главная «чрезвычайщина» уже позади, ан не тут-то было! Больше всего понравился посыл насчет духовного развития. Как раз этого в теперешней работе ну очень не хватает! Надо будет – когда выдастся «окошко» между чрезвычайными обстоятельствами – забежать в церковь.

Телефонный звонок оторвал меня от этих многообещающих перспектив и от утреннего кофе. Не успев даже прикинуть, кто бы это мог быть, я сняла трубку.

Как только в ней зазвучало женское меццо-сопрано – приглушенное и взволнованное, но все-таки очень красивое, – я поняла, что любое мое предположение оказалось бы ошибочным. Этот голос я слышала впервые.

– Простите, я говорю с Татьяной, частным детективом?

Я подтвердила, несколько удивленная тем, что женщина не уточнила мою фамилию. Обычно потенциальные клиенты более официальные.

– Простите еще раз, что не могу назваться... Впрочем, имя я сказать могу: меня зовут Ирина. Только вы меня все равно не знаете. Мне очень надо с вами поговорить, очень... Но у меня мало времени, я даже не знаю сколько... Пожалуйста, выслушайте меня!

Женщина частила сбивчивой скороговоркой, почти шепотом, однако умудрялась при этом делать паузы, которые свидетельствовали, что свою речь она не готовила заранее. Или – что она очень хорошая актриса.

– Вы не волнуйтесь, я вас слушаю. Давайте попробуем поговорить, несмотря на то что я вас не знаю, а вы, очевидно, меня знаете. Кстати, может, объясните – откуда?

– Я же вам говорю: сейчас на это нет времени! Сюда в любую минуту могут войти... Мы должны с вами встретиться!

Больше всего на свете люблю встречаться не знаю с кем, неизвестно по какому поводу. Примерно так я ей и сказала – только в более мягкой форме. Почему-то мне было уже жалко Ирину.

– Господи, – шепотом взмолилась та, – вы, конечно, правы, но... Ладно! Дело в том, что я могу вам кое-что рассказать. То, что вам будет интересно. Я помогу вам, а вы мне. Это касается известных вам людей на рынке «Южный». Ведь вас это интересует, правда?

Это уж слишком! Весь город знает, что ли? Ладно, Серега Кедров пронюхал – это полбеды, у него работа такая. Но эта? Здесь пахнет ловушкой.

– С чего вы взяли? – как можно равнодушнее спросила я и тут же, услышав изменившийся голос собеседницы, подумала, что сейчас она на том конце провода упадет в обморок от страха.

– Ради всего святого, только не говорите, что вас не интересует это дело, Татьяна! Вы – моя последняя надежда, больше мне рассчитывать не на кого. Я должна вам рассказать, что замышляет Альберт. Я случайно узнала... У меня с ним свои счеты, понимаете? Ах, ладно, скажу вам, у меня же нет выбора. Я его жена. Бывшая, правда.

– Жена Альберта Кравчука? – не сдержала я удивления.

– Да, да! Мы расстались больше года назад, но не развелись. Альберт имел глупость кое-что записать на мое имя, понимаете? Если б не это, думаю, он давно бы меня убрал: я слишком много знаю про его делишки. Но теперь у него нет другого выхода, кроме как сдуть с меня пылинки...

Почему я ей верила? Возможно, потому, что у меня тоже не было выбора.

– Вы не сомневайтесь, – заторопилась Ирина, словно спеша развеять еще оставшиеся у меня сомнения. – Все именно так, как я говорю. Я вам представлю доказательства. А про вас я узнала совершенно случайно. Моя подруга... Ах, кажется, кто-то идет! Нет, показалось... Моя подруга живет в доме по соседству с вами. Однажды – месяца полтора назад – я была у нее, мы засиделись допоздна. Я в тот вечер была без машины. Когда подруга пошла провожать меня до такси, я заметила у тротуара неподалеку от вашего дома машину Тагирова, директора рынка. Конечно, я еще не знала, что это ваш дом, и вообще о вас не знала... Когда мы подходили к перекрестку, из подъезда вышел сам Фарид Тагиров. Думаю, он меня не видел. Или не узнал: мы встречались всего раза два, давно, когда я была еще с Альбертом.

Все это полностью совпадало с тем, что было известно мне, – и по времени, и по фактам. Поистине жизнь состоит из совпадений! Ирина продолжала свой рассказ, все более ускоряя темп:

– Из женского любопытства решила выяснить, к кому приезжал Тагиров. Глупо, конечно, но... Просто у меня не так уж много развлечений, понимаете, Таня? Через несколько дней я приехала к вашему дому и как бы между прочим затеяла разговор со старушками на лавочке. Вообще-то я психолог по образованию, умею разговаривать людей...

В моей голове промелькнули две мысли, никак не связанные между собой. Одна просто выразилась словами «не сла-

бо!» – это по поводу профессии моей собеседницы. Другая была такая: в тот самый злополучный день моя Альбина Михайловна наверняка несла свое обычное «боевое дежурство» перед подъездом. Уж она-то не упустит возможности рассказать первому встречному про «гордость нашего дома». Впору менять квартиру!

Словом, от вездесущих бабулек Ирина узнала, что в этом самом подъезде живет не какая-нибудь супермодель, очаровавшая пожилого директора рынка, а частный детектив по имени Таня. С помощью несложной цепочки умозаключений женщина пришла к мысли, что Тагиров, известный своей репутацией крепкого хозяина и порядочного человека, вполне мог заказать частное расследование «художеств» ее бывшего муженька. А еще через несколько дней она узнала, что на рынке «Южный» появилась новая работница – и тоже, что характерно, Таня...

– После этого у меня отпали последние сомнения. Очень осторожно, чтобы не возбуждать подозрений, я выяснила через своих знакомых ваш адрес и телефон. Ведь мы с Альбертом вращались в таких кругах... Ну, вы понимаете. Вот и отыскал один из ваших бывших клиентов. Фамилия ваша вылетела у меня из памяти, извините, а вот номер телефона, как всегда, врезался накрепко. Я ведь ничего не записывала – Альберт или его люди могли найти у меня ваши координаты, я живу под их постоянным наблюдением...

«Ну и память у тебя, голубушка! – подумала я. – Чтоб за-

быть мою фамилию, это ж как надо постараться...» А вслух спросила:

– Вы сказали, что вашей жизни они не угрожают. Чего же вы боитесь, Ирина?

Она заговорила еще тише, хотя это, казалось, было невозможно.

– Да, они не угрожают. Хотя заставить замолчать могут, у них много способов. Но это другое... Это не Альберт – другие, но они тоже связаны с ним! Пожалуйста, не по телефону, Таня. Я все расскажу при встрече. Вы знаете церковь Кающейся Магдалины?

Я ожидала чего угодно, но только не этого! Вероятно, Ирина истолковала мое растерянное молчание по-своему.

– Будьте там сегодня в три часа. Ради всего святого, Таня! Это на Немецкой, между магазинами «Шарм» и «Арлекино».

– Католическая церковь?!

– Да, да! Ведь я католичка, часто бываю в этом храме. Пад-ре Леопольд – мой старый друг, когда-то мы вместе учились во Львове. Зайдите в исповедальную кабинку слева от алтаря. Я буду рядом. Нам никто не помешает. Только измените, пожалуйста, внешность, а то...

– Не учите меня жить. Ирина, мне кажется, ваша идея насчет церкви не совсем удачна...

Я хотела возразить, что гораздо безопаснее выбрать для встречи, наоборот, какое-нибудь людное место – например,

театр или супермаркет. Баню, наконец. Но женщина поспешно перебила меня:

– Господи! Я больше не могу говорить! Так вы придете? Ради бога! Придете?..

Я дала свое согласие уже в пустоту, раздираемую короткими тревожными гудками.

Итак, следующим номером нашей программы – церковь Кающейся Магдалины. Премилое, должно быть, местечко для духовного развития. А я беспокоилась...

Глава 3

Моему воображению храм божий непременно рисуется если не грандиозным, то величественным сооружением, внушающим пастве священный трепет и сознание собственной ничтожности перед ликом господним. Сколько я их повидала по всему миру – все они были именно такие.

А тут... Просто погребок, каким-то чудом втершийся между двумя роскошными супермаркетами: четыре ступеньки вниз, изящная дверка в итальянском стиле, витражи на узких окошках... Ни дать ни взять пивнушка, только без вывески над входом с кружкой под пенной шапкой. Когда я потянула за круглую блестящую ручку, где-то внутри мелодично прозвенел колокольчик. «Как в лавке», – продолжал богохульствовать мой внутренний голос. «Заткнись!» – сурово одернула я его, озираясь по сторонам.

То, что находилось по ту сторону входной двери, несколько больше соответствовало моим представлениям о католическом храме, чем наружность «Кающейся Магдалины». Я оказалась в полутемном прямоугольном помещении, нешироком, но достаточно длинном. После толчеи и гама нашего «тарасовского Арбата» оно показалось мне раем тишины: я не без удивления обнаружила, что звуки внешнего мира сюда почти не проникают.

Здесь не было никаких украшений, если не считать

нескольких бра с электрическими свечами по обе стороны зальчика. Стены его выкрашены густо-розовой краской, а потолок того же тона расчерчен на квадраты деревянными рейками. Вообще дерево здесь явно доминировало: скульптуры святых в нишах, ровные ряды строгих скамеек и надраенный до блеска паркет. На полу яркими ковриками лежали красные, золотые, зеленые, голубые блики от цветных витражей, сквозь стекла которых пробивались лучи сентябрьского солнца. Необыкновенно красиво!

Странное впечатление производила церковь Кающейся Магдалины: смесь трогательной простоты и возвышенности, почти спартанской строгости, свойственной католическому культу, и романтики, какой-то скрытой поэтичности, что ли. Даже мой циничный внутренний голос примолк, пораженный этим неожиданным сочетанием, и не отпускал больше богопротивных замечаний.

Странно, но меньше всего в этом храме хотелось... каяться. Думать о душе – да, а раскаиваться... Здесь куда уместнее была мысль, что человечество вообще позабыло, что такое смертные грехи, что оно решительно повернуло на путь добра и справедливости и храмы нужны ему исключительно для духовного усовершенствования. Другими словами, это место, на мой взгляд, одинаково подходило как для просветленной молитвы, так и для сочинения стихов или, скажем, для свидания влюбленных...

«Однако сама-то ты здесь совсем для другого свидания,

Таня дорогая. Не расслабляйся!» – неожиданно встрял в мои размышления внутренний голос. Вот так всегда! Стоит мне только задуматься о вечном – он тут же все испортит. Но на этот раз зануда прав. Если Ирина говорила искренне – а это скорее всего так! – ей может угрожать реальная опасность, а значит, расслабляться не ко времени.

Бесшумно, стараясь не касаться каблуками паркетного пола, я проскользнула между рядами скамеек и, как было условлено, нырнула за плотную плюшевую штору слева от кафедры, осененной распятием. Здесь было почти совсем темно, однако я без труда разглядела черную решетчатую дверку исповедальни. Но еще раньше я уловила стойкий аромат «Шанели номер пять».

– Ирина! – шепотом позвала я сквозь густую решетку, за которой стояла непроглядная тьма.

Странно: в ответ не послышалось ни звука. И я, сколько ни вглядывалась, не смогла уловить даже слабого движения по ту сторону. Я повторила зов погромче, но и на этот раз темнота не откликнулась...

Это мне уже не нравилось. Помянув нечистого и даже не попросив у бога прощения, я вышла из исповедальни и, пугаясь в каких-то тканях, натываясь на перегородки, стала пробираться туда, где, по моим расчетам, должна была находиться моя давешняя телефонная собеседница. Может, она где-нибудь там, в ризнице, или как бишь ее... Одним словом, в подсобке: попивает чаек со своим другом-священником?

Хотя нет: она сказала, что мы будем одни... А может, просто струсила и сбежала, не дождавшись меня?

Споткнувшись обо что-то, я едва не потеряла равновесие и не шлепнулась плашмя на паркет. И тут же сообразила, что это самое «что-то» – длинные женские ноги в колготках и супермодных туфлях на тяжелой «платформе». По тому, как странно они были вытянуты, было трудно предположить, что их владелица просто присела на пол отдохнуть в ожидании трудной беседы.

– Боже мой! Ирина?..

Я почти ползком добралась до ее тела, прислоненного к стенке исповедальни, схватила за руку, унизанную перстнями. Она была теплая, но женщина не обнаруживала признаков жизни. Потом мои руки наткнулись на что-то мокрое и липкое. В отчаянии я обхватила Ирину за плечи и развернула в ту сторону, откуда пробивалось нечто похожее на луч света. На какое-то мгновение этот неверный свет отразился в ее глазах – тусклых и тоже как бы «неверных». Потому что они уже ничего не видели: это были мертвые глаза.

Привычная ко всему, я не смогла сдержать стон. Наверное, при жизни Ирина была просто красавицей. До тех пор, пока ей не перерезали горло.

– Вот тебе и «чрезвычайные обстоятельства»...

Как всегда в подобных ситуациях, голова заработала быстро и четко. Но именно сейчас это не принесло облегчения:

моя дедукция – вместе с индукцией – не могла нащупать выход в крошечной тьме загадочного. Кто убил Ирину? За что ее убили? И почему – здесь и сейчас? Есть ли в этом какой-то смысл или время и место ее ужасного конца выпали случайно? И главное: что теперь делать мне, опять оставшейся без «ниточки» в руках, да вдобавок еще и с трупом?!

Последняя мысль так подстегнула меня к действию, что я вскочила на ноги со всей резвостью, какую допускало присутствие мертвого тела. Чувство долга мучительно боролось во мне с чутьем, помноженным на многолетний опыт частного сыщика. Мучительно – однако недолго: силы были слишком неравны.

Наклонившись, я осторожно вернула труп в первоначальное положение – прислонила к перегородке исповедальни. Потом, достав маленький фонарик, который, к счастью, почти всегда таскаю с собой, тщательно осмотрела все вокруг: а вдруг повезет?

Увы! Единственным моим трофеем стала сумочка погибшей – маленькая такая, из натуральной крокодиловой кожи. В ней я нашла портмоне из того же материала, связку из трех ключей, пудреницу, помаду да носовой платочек. Больше там ничего не поместилось бы при всем желании. Впрочем, нет: обнаружилась еще газета, сложенная до размеров носового платка. Вот этот листок я, повинувшись импульсу, переложила к себе в сумку, чтобы изучить на досуге. Ведь за чем-то женщина взяла его с собой, отправляясь на встречу

с частным детективом?

В кошельке лежали две кредитные карточки, небольшая сумма в рублях, несколько зеленых бумажек с портретами американских президентов и паспорт в кожаной обложке, который развеял мои последние сомнения насчет личности погибшей. И еще одна вещь не вызывала сомнений: тот, кто убил Кравчук Ирину Зигмундовну, тысяча девятьсот шестьдесят первого года рождения, украинку, сделал это явно не корысти ради. Но если она принесла сюда какие-то «доказательства», о которых говорила, то их этот гад забрал с собой.

Орудия при помощи платка, я аккуратно сложила все вещи обратно в сумочку. Оставалось позаботиться, чтобы нигде не осталось моих отпечатков, и можно, как говорит мой друг Гарик, делать ноги. А то еще кто-нибудь ненароком застукает меня на «месте преступления». И придется тогда переименовывать «Кающуюся Магдалину» в «Великомученицу Татьяну».

Стоп, стоп! А это еще что такое?

Только сейчас я заметила, что правая рука Ирины Кравчук сжата в кулак. Не без труда разогнув ее длинные холеные пальцы, сведенные предсмертной судорогой, я нашла нечто крохотное, что поначалу приняла за бусину. Сердце забилось учащенно. Странный камешек... Судя по всему, Ирина была роскошной женщиной, и ей вполне к лицу было бы бриллиантовое кольцо или нитка натурального жемчуга. Только не к этому строгому костюму, весьма подходящему

для посещения церкви. А уж бусы к нему и вовсе не подошли бы...

Положив находку на ладонь, я изучала ее в свете карманного фонарика. Это и в самом деле был камешек: красноватый в темную крапинку, неправильной формы, размером не больше ногтя на моем мизинце. В центре его светилась едва заметная дырочка, которая свидетельствовала, что этот одиночный экземпляр прежде и в самом деле являлся частью какого-то целого. И однако что-то мешало мне принять версию о бусах. Что-то вертелось в голове, но в ясную, законченную мысль не сложилось. Скорее всего просто не хватило времени.

Я отправила камешек вслед за газетой и потратила еще пару минут на поиски других вещдоков. Но больше не нашла ничего.

Два или три раза во время всех этих манипуляций мне мерещился звонок входного колокольчика, но это – слава богу! – были только нервы, напряженные до предела. Когда я наконец выбралась из мрачного «закулисья» на сцену, где перед распятием горела лампадка, – зрительный зал с рядами скамеек был по-прежнему пуст. Только сейчас он показался мне мрачным и зловещим, словно склеп, а все вокруг вызвало из глубин подсознания два латинских слова: «Memento mori». Да уж, точно «помни о смерти»... Даже яркие блики на полу выцвели, потускнели, будто скорбя о чудовищном злодеянии, совершенном в божьем храме. Хотя на самом де-

ле, наверное, солнце спряталось за высокие крыши домов на другой стороне улицы Немецкой.

И тут я увидела себя: свою одежду, руки и ноги. О господи! Ну просто леди Макбет, ни грима, ни театрального костюма не надо. Что же делать? Будь на улице темно, еще можно было бы рискнуть добраться до дому дворами – благо недалеко. Но в четвертом часу дня, в сентябре... Кто ж знал, что я, придя на встречу с женщиной в церковь, с головы до ног перемажусь кровью, словно жертвенный агнец!

Отчаянное мое положение усугублялось тем, что промедление было смерти подобно. Оставалась одна надежда: поискать какую-нибудь одежду в заднем помещении церкви.

Я вернулась в исповедальню, прошла мимо бездыханного тела Ирины Кравчук и сунула нос за штору, из-за которой пробивался свет. Там оказался маленький коридорчик, освещенный матовым плафоном и заканчивающийся дверью, которая явно выходила во двор строения. Служебный вход, ну конечно! Осторожно нажав на ручку, я убедилась, что дверь заперта.

Это уже становилось интересно. Если здесь закрыто, как же тогда убийца покинул церковь? Одно из двух: либо у него был ключ от служебного хода, либо он вышел тем же путем, каким я вошла. Впрочем, есть еще и третий вариант... О господи, этого еще не хватало!

Потрясенная неожиданной мыслью – которая, строго говоря, должна была бы посетить меня намного раньше! – я

опрометью бросилась к двум другим дверкам, расположенным в центре коридора, одна напротив другой, и настежь распахнула обе. Убедившись, что ни в «подсобке», ни в туалете никого нет, я немного успокоилась. Уф, хорошо хотя бы то, что этот мясник успел покинуть место преступления, не то бы... Пожалуй, я подумаю об этом позже, а сейчас главное – умыться, переодеться и смыться. Быстро покончив с первым пунктом, я отправилась на ревизию одежды святого отца.

Наверное, именно такой и должна быть скромная обитель католического священника. Распятие в углу, несколько полок с книгами, стол, два стула, тумбочка с кофеваркой и чайной посудой... Однако сейчас меня больше всего интересовала ширма, за которой виднелась вешалка с какой-то одеждой.

Конечно, можно было предположить, что наряды от Кардена и Версаче здесь вряд ли имеются. Но то, что я нашла, было слишком экстравагантно даже для меня. В полном замешательстве я вертела в руках плечики с висящей на них длинной черной сутаной. Выбор, что называется, оставлял желать лучшего: либо выйти на улицу в собственном прикиде, заляпанном кровью невинной жертвы, либо... скрыть его под одеянием священника святой римско-католической церкви. Вдохнув, я выбрала второе и стала торопливо облачаться.

В конце концов, размерчик подходящий: хвала господу,

падре Леопольд не какой-нибудь маломерок – можно будет как следует задрапироваться. А из белого полотенца попробуем соорудить нечто вроде монашеского головного убора. Надеюсь, местные аборигены не очень-то разбираются в деталях католического костюма, так что... сойдет для нашей мусульмано-православной местности!

Однако натянуть широкий балахон поверх собственной одежды оказалось вовсе не простым делом. В спешке я путалась в складках сутаны и все время вылезала руками и головой не в те дырки. За ширмой для моих манипуляций не хватало места, и теперь я стояла посреди комнаты, размахивая непослушными полами одеяния, словно черными крыльями. Поглядеть со стороны – картинка, наверное, была еще та!

И тут послышался шорох... Нет, не так: наверное, я кожей почувствовала, что у меня появился зритель, который сейчас именно это и делает – смотрит на меня со стороны. Теперь уж не припомню всю сложную гамму своих ощущений в ту секунду, но то, что они были не из приятных, точно. «Конец твоим мучениям, Таня дорогая! – с какой-то даже торжественностью возвестил внутренний голос. – Ты влипла».

Я резко рванула сутану с головы, освобождая себе обзор, и одновременно отпрыгнула как можно дальше от двери, откуда могло грозить нападение. Но нападения не последовало. На пороге «подсобки» стоял высокий лысоватый мужчина в джинсах и легкой куртке-ветровке, который из-за такого облачения показался мне спортивным, похожим на тенниси-

ста-профессионала, а не на святого отца. Кстати, при нем и была теннисная ракетка в чехле.

Сказать, что весь облик падре Леопольда выражал крайнюю степень изумления, – значит ничего не сказать. Его золотые очки в буквальном смысле ползли на лоб, а нижняя челюсть – в прямо противоположном направлении.

– Кто вы, черт побери? Что вы здесь делаете?!

Одновременно с обретением дара речи падре наконец решился переступить порог, и я увидела, как удивление на его лице сменяется проявлением гнева, весьма мало подходящего священнослужителю. Я окончательно выпуталась из сутаны и широким жестом перебросила ее через ширму.

– Сбавьте обороты, святой отец. Уж кому-кому, а вам не пристало поминать врага рода человеческого, да еще в стенах святой обители. Какой пример вы подаете прихожанам?

– Ну, уж вы-то точно не принадлежите к их числу. Перед господом я за грехи отвечу, а вот вы пока не ответили на мой вопрос, девушка. Кто вам позволил рыться в моих вещах? Как вы вообще сюда попали?!

Священник говорил с тем же самым мягким «малороссийским» акцентом, что и покойная Ирина Кравчук. И я поймала себя на том, что начинаю чувствовать к нему расположение, хотя он сейчас всю «наезжал» на меня... Разумеется, выговор здесь ни при чем, тут другое.

– Вот вы сказали – «вопрос», а сами задали уже четыре. На каждый можно отвечать очень долго, а у нас с вами нет

времени, святой отец. Поэтому для удобства начну с последнего – самого простого. Разве не вы ушли, оставив церковь незапертой на попечение своей приятельницы? Так что войти сюда мог кто угодно, падре Леопольд!

Падре растерянно заморгал длинными ресницами, словно только сейчас вспомнил нечто важное.

– Иришка?.. Так вы ее знакомая? А где же она сама?

«Он не причастен к убийству своей подружки, это факт», – подумала я, а вслух произнесла:

– Будьте мужественны, святой отец. В ваше отсутствие здесь случилось большое несчастье.

– Что?! Нет...

Он в ужасе шарил глазами по моей окровавленной одежде, по-видимому, не в силах связать эти пятна с тем, что еще только входило в его сознание. Он смотрел на меня умоляющим взглядом, ожидая опровержения. Но так как опровержения не было, Леопольд бросился к двери, однако силы его оставили, и он прислонился к косяку. Могу поклясться: он шептал слова молитвы. На беднягу было жалко смотреть.

– Нет, этого не может быть... Скажите же, что это не так...

– Ирина убита, падре. Убита здесь, в вашей церкви.

Он замотал головой, резко повернулся лицом к дверному косяку и так шарахнул по нему кулаками, что маленькое распятие на стене вздрогнуло.

– Я так и знал... Я знал! Почему ты это допустил, почему?!

Про себя отметив это «я знал», я деликатно промолчала: он обращался не ко мне. Похоже, у святого отца возникли разногласия с его отцом небесным. Что ж, бывает... Когда падре Леопольд снова обернулся, глаза у него были красные, но сухие.

– Простите... Я не знаю вашего имени.

– Татьяна.

– Да, Татьяна... – эхом повторил священник, думая совсем о другом. – Она... здесь?

– Да. Но вам лучше этого не видеть, поверьте моему слову.

Вместо ответа отец Леопольд развернулся и почти побегал по коридорчику в сторону исповедальни... Вернулся через несколько минут. Я ожидала всего – истерики, обморока, но он казался почти спокойным. Только был весь белый, как стенка его кельи. А когда заговорил, голос с трудом повиновался ему.

– Кто это сделал? Вы знаете?

– Нет. Но не я – это абсолютно точно.

Он взглянул на меня с удивлением: по-видимому, такой вариант не приходил ему в голову.

– Вы вызвали милицию, Татьяна?

– Нет, святой отец. Мне очень жаль, но это придется сделать вам.

– Мне? Но почему мне? Ведь вы же нашли... нашли ее?

Было очевидно, что самообладание дается бедняге ценой нечеловеческих усилий. Теперь я больше не сомневалась: он

любил эту женщину. И вряд ли только как друг.

– Да, я нашла ее. Но об этом никто не должен знать, падре Леопольд. Никто! И в первую очередь милиция. Понимаете?

Зря я это: конечно же, он ничего не понимал.

– Сядьте, святой отец. Сядьте, постарайтесь успокоиться и выслушайте меня. Только сначала скажите мне, пожалуйста: вы не ждете никого? Кто –нибудь может сейчас прийти сюда – ну, ваши прихожане, кто-то из знакомых?

– Прийти сюда, сейчас?.. Н-нет, я не думаю. Сегодня понедельник, службы нет... Говоря мирским языком, у меня выходной.

«Какое совпадение, – подумалось, – прямо как у меня на рынке!»

Отец Леопольд машинально опустил на стул, который я ему указала, но тут же снова подскочил:

– Да что все это значит, объясните наконец! Я прихожу сюда, нахожу здесь незнакомую женщину, которая пытается нацепить мою сутану. Господи, прости душу грешную! Иришка убита, а вы заявляете, что никто про вас не должен знать, и задаете странные вопросы. Я волей-неволей начинаю подозревать, что...

– Что я замешана в убийстве, вы это хотите сказать? Нет, святой отец. Я знаю об этом преступлении не больше, чем вы, а может, еще меньше. Пока... И чтобы вас в этом убедить, я, пожалуй, отвечу на остальные вопросы, которые вы задали в самом начале. Надеюсь, это кое-что объяснит.

И я, стараясь не увязать в подробностях, растолковала потрясенному Леопольду суть дела. Падре оказался более понятливым, чем я ожидала. Едва он услышал про мою профессию, как тут же выскочил из комнаты со словами: «Секунду, я на всякий случай запру церковь». Вернувшись, священник первым делом бросился к распятию и молитвенно застыл перед ним, сложив руки. Я нетерпеливо поглядывала на часы, но не отважилась вмешаться в его беседу с Создателем. К счастью, пастор не стал ее затягивать и вскоре повернулся ко мне:

– Простите, Татьяна: это было совершенно необходимо. Скажите же: что мне теперь делать? От господа я пока не получил ответа.

– Хотите совет практика, святой отец? Не впутывайте господа в это земное дело, у него и без того хватает забот. А с убийством мы постараемся разобраться сами.

– Но как? Ведь следователи будут задавать мне вопросы... Что я им скажу?

– Правду, падре Леопольд, чистую правду! Вернее, почти чистую. Вы расскажете им все как было и как есть: как ваша прихожанка и давняя знакомая Ирина Кравчук попросила вас оставить ее одну в церкви для очень важной встречи, но не сказала – с кем именно. Как вы дали ей ключи от храма, а спустя час, как было условлено, вернулись и обнаружили ее мертвой в исповедальне...

– Но я не давал ей ключи!

– В самом деле?

– Иришка вошла через главный вход, как обычная прихожанка. Когда я в храме, там всегда открыто, даже в понедельник. Мы условились, что она придет в два сорок пять, я оставляю ее одну, а в половине четвертого вернусь. Потом мы планировали сыграть партию в теннис на «Динамо» и вместе пообедать. Господи, какой ужас!

Отец Леопольд сдвинул голову руками и яростно покрутил ею, пытаясь прогнать жуткое видение.

– Так что же насчет ключей? – напомнила я.

– Каких ключей? Ах да... Нет, у Иришки не было ключей от церкви. Я их никому не даю. Я дождался ее и, уходя, запер за собой заднюю дверь. – Падре кивнул в сторону коридорчика. – Ирина попросила. Сказала, ей так будет спокойнее. – Он судорожно сглотнул. – В последние дни ее что-то тревожило, и очень сильно. Но, видит бог, я не знаю – что! Я просил ее довериться мне, но напрасно. Вчера вечером мы опять вернулись к этому разговору: Иришка нервничала как никогда, просто была сама не своя... Я должен был настоять. Должен был, но не настоял!

– Прошу вас, святой отец: мы еще вернемся к этому, но не теперь. Значит, задняя дверь была все это время заперта – до тех пор, пока вы сами не открыли ее своим ключом пятнадцать минут назад?

– Ну да, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.